Всемирный Союз Баптистов, его происхождение, значение.

Речь, произнесённая с кафедры Всемирного Конгресса Баптистов, во вторник, **7 июня 1911 года** в Филадельфии, Соединённые Штаты, **ДЖОНОМ КЛИФФОРДОМ**, магистром словесных наук, юриспруденции, доктором богословия.

На фотографии: Улица Брод-стрит, Филадельфия (1905 год)

Дорогие Братья и Сестры!

I

Я не могу вступить в отправление обязанностей моего служения, не поблагодарив вас прежде всего за высокую честь, которую вы оказали мне. Я должен откровенно сказать, что для меня было это одной из неожиданностей моей жизни, когда Всемирный Конгресс Баптистов, состоявшийся в Лондоне в 1905 году, избрал меня президентом этого вновь созданного Союза. Судя по естественному ходу событий, наши братья Великой Западной Республики (Соединённые Штаты) должны были бы избрать председателем нашего уважаемого и знаменитого старшего брата доктора Александра Макларена. Но в преизбытке вашего великодушного доверия вы призвали меня на этот пост и сим дали мне высокое преимущество и священную ответственность председательствовать на этом нашем втором Всемирном Конгрессе; итак с неизреченной благодарностью за это избрание и за доверие, оказанное мне в течение шести лет, в которые я занимал этот пост, я надеюсь на вашу дальнейшую неизменную симпатию и братскую любовь ко мне.

Дорогие друзья! Мы собрались во имя и благодатью Господа нашего Иисуса Христа, Спасителя нашего. Мы ободрены Его обещанным присутствием и сознательным водительством Его Духа. Наше общение с Отцом и Сыном, и мы радостно соединяемся с миллионами наших братьев баптистов, рассеянных по всему миру. Немного нас собралось в этом Городе Братская Любовь (Филадельфия в переводе значит Братолюбие), но мы представляем собой всех баптистов и в этот час мы соединяемся с великим множеством в исповедании и стремлении, в желании и усилии для пришествия Царства Божия и венчания (коронования) Царя Царей. Ибо это не только нужда нашего собрания, но это есть также, и это первая наша мысль, нужда всеобщей молитвы в наших домах и церквах, истинно великая нужда; быть может самая великая нужда в переживании нашего баптистского братства. Никогда прежде мы не осуществляли так основательно наше истинное единство. Никогда прежде не было такого сильного чувства товарищества, соединяющего делателей в многолюдных городах и столицах с одинокими душами, которые взошли на вершины веры, которые решились защищать подверженную нападениям крепость истины в селениях и хижинах, в виду яростной атаки и несмотря на все последствия. Мы дышим живительным воздухом, напоенным энергией преданности, зависимостью от Бога, верой в силу Евангелия, непобедимою верностью принципам, которыми мы сплочены вместе. «Это ничто иное, как дом Божий, и врата неба».

Но это не все ещё. Великое облако свидетелей вполне обозревает нас. Мы стоим в их присутствии. «Часть войска перешло воды». Мы благодарны за их службу и радуемся о славном наследии, которое они завещали нам. А «часть войска ещё переходит теперь». Наши спутники впереди, находящиеся под командой Вождя нашего спасения, только что скрылись из виду; их воинствование окончено, их награда верна. Но вот тоже славный отряд мужчин и женщин, которые в эти памятные дни присоединяются к нам в благодарном воспоминании наших храбрых предков, в пламенной симпатии к героям страдальцам за свободу совести в далёких странах, в обнародовании принципов, которые вверены нам, и прежде всего, в молитве, чтобы Бог благословлял нас и умножал нас все больше и больше, чтобы Он вёл нас Своим путём и сделал бы нас способными делать Его дело в находящиеся пред нами непосредственно будущие годы, так чтобы этот Конгресс имел успех в спасении наших ближних, в направлении будущего течения наших общин и движения вперёд царства правды, и мира и радости во Святом Духе.

Затем, братья мои, ваш председатель при этом первом случае, когда мы собрались как Союз, не может избежать одного предмета, именно чтобы не сказать несколько слов о самом Союзе, о его происхождении и характере, о его значении и трудах. Наш устав был составлен в Лондоне в 1905 году.

Спустя три года после этого, в Берлине состоялся ряд вдохновляющих и назидательных собраний европейских общин, но эти собрания были местными по их представительству, хотя всемирными по их интересу и влиянию. Итак, это есть начало открытого общественного труда Союза и проявление последнего этапа нашей баптистской жизни.

Новизна этой организации удивительна, потому что она явилась среди народа, преданного телом и душой индивидуализму (обособленности) и смертельно боящегося самого незначительного вмешательства в область его личной и церковной независимости. Но для других, усвоивших себе

внутреннюю всеобщность наших основных принципов, кажется удивительным, что мы столь медленно достигли настоящей ступени нашего развития.

Хотя этот союз есть новое творение, но в действительности он есть признак внутренней и духовной благодати, которая действовала в нас с особенной энергией и жизненностью за последние десять или пятнадцать лет и свидетельствует о магнитических и связывающих силах, которые действовали, хотя скрыто, но могущественно, хотя молчаливо. Это не значит, что мы сделали какое-то новое открытие или отказались от каких-либо давно лелеянных истин, или оставили какие-либо первоначальные цели, или нашли новую базу (основание) для соглашения, совсем нет: это просто значит, что сознание всемирного распространения наших принципов и идеалов стало более живым и, наконец, наступили благоприятные условия для их выражения. Глубоко в душе у нас всегда жило убеждение, что мы обладаем подлинной всемирной религией, хотя это убеждение давало знать о себе там и сям, ибо большая часть из нас не знали друг друга. Мы были похожи на членов большой семьи, которые, вместо того чтобы расти под одной и той же кровлей, редко сходились вместе и нередко ошибочно понимали друг друга, когда они сходились вместе, и поэтому мы ошибочно судили и неверно понимали мнения и обычаи друг друга. Общины были разобщены. Многие из них были заброшены в отдалённые уголки земли в их непрестанной борьбе с притязаниями священников и клерикальным угнетением, так что пятьдесят лет тому назад наш Всемирный Союз был столь же невозможен, как невозможен был договор об улажении всех международных споров, без всякого исключения, в то же самое время.

И вот настало новое время. Преграды сломаны. Почта и печать, телеграф и телефон, железная дорога и пароход соединяют нас. Санкт-Петербург находится в Филадельфии, хотя с довольно большими трудностями, чтобы напомнить нам, что сыны и дочери свободы ещё не окончили своего дела. Шведы и норвежцы жмут руку новозеландцам и викторианцам. Французы и германцы ликуют в своём братстве во Христе и желают, чтобы настал день, когда их страны не будут больше учить войне. Испания и Италия имеют сношения с древними латинскими расами (племенами) Центральной Америки, и британец радуется стать рядом с освобождёнными представителями (неграми) из Джорджии и Каролины. Итак, мы сходимся вместе. Итак, наш Союз возможен. Сформированные при неодинаковых условиях, живущие под различными флагами, воспитанные в различных климатах и различными учителями по различным методам, мы сходимся вместе, радуясь тому, что в новой твари, которую мы получили благодатью Божьей, нет ни эллина, ни иудея, ни англичанина, ни американца, ни белого, ни чёрного, ни раба, ни свободного, но все мы одно во Христе, и Христос — всё в каждом и во всех.

Говоря о Соединённых Штатах, мистер Брайс (Bryce) говорит: «Америка есть общество обществ (commonwealth of commonwealth), республика республик, такое государство, которое, хотя одно, тем не менее составлено из других штатов, которые более необходимы для его существования, нежели оно для их существования». Так и этот конгресс есть Союз других союзов: гражданских, государственных, колониальных и национальных; он есть соединение (union) представителей церквей, которое имеет свою силу в представительстве отдельных церквей, что неизмеримо важнее для Всемирного Союза, нежели Всемирный Союз может быть для них.

И всё же появление сего Союза есть многообещающий факт, составляющий воплощение идей и сил, действующих на обширной арене баптистской жизни, факт, предсказывающий о месте,

которое мы должны занять в руководстве религиозной жизнью рода человеческого. Союз не мог появиться раньше. Он появился теперь, и мы приветствуем его появление как утреннюю звезду нового дня, как первый цветок новой весны, как наступление новой эпохи в нашей истории.

II

Новое то, что это есть Всемирный Союз Баптистов. У нас есть другие союзы, но они ограничены, а этот союз всеобъемлющий. Те союзы соединяют две или три общины в одной местности, сотню в одной области или тысячи общин в одном народе; но этот союз представляет собой все общины и есть действительно, а не фиктивно вселенский.

Не громадные наши числа составляют этот союз, хотя и мы имеем более восьми миллионов членов в списках и воинство приверженцев; не власть лиц заставляет нас собраться, как власть папы, имеющего притязания на непогрешимость, не собрание патриархов вынуждает наше появление, и не полномочия некой церкви мы повинуемся, не действию государственного механизма мы подчиняемся. Наша связь происходит от наших идей. Они связывают нас. Они суть наша движущая и вдохновляющая сила. Они суть источники нашего могущества, родники нашей жизни, звезды, сияющие на небосклоне нашей жизни, солнца, питающие и сохраняющие нашу жизнь.

Карлиль говорит: «Всякое общество, всякая политика имеет духовный принцип, который есть воплощение, попытка более или менее совершенная к осуществлению идеала; все эти тенденции (склонности) к стремлению, особенности обычая, его законы, политика и вся процедура (действие) предписываются идеей и естественно вытекают из неё как движение происходит от живого источника движения. Это идея почтения одного человека или класса людей, символа веры, учреждения, или даже, как это было в древние времена, к участку земли, всегда есть истинная верность; она заключает в себе, так сказать, религиозный, главный, совершенно неуловимый характер, она есть собственно душа государства, его жизнь, столь же таинственная, как и другие формы жизни и подобно им действующая тайно и в глубине, превыше сознания». Кардинал Манинг говорит: «идеи суть жизнь учреждений» и Стаде говорит нам, «что история Израиля в сущности есть история религиозных идей». Итак, вселенский характер этого Союза происходит от его центральных и образующих идей, и не от одной или двух идей в их отдельности, но от целого состава их, рассматриваемого как связное и компактное целое; это завершает и уравновешивает его; и вся комбинация (соединение) получает надлежащее ударение и выразительность, которая обеспечивает каждому принципу его полное место и законное действие, — её части, составляя и совокупляясь одна с другой, возрастают при помощи содействующего звена, с силой, соразмерной требованию каждой части, чтобы облечь Союз атрибутами (качествами) и функциями (отправлениями) всемирного Совета.

Да, я утверждаю, что этот союз «католический» (всеобщий) с более широким католицизмом, нежели римский католицизм, и что он «православный» с более духовным и библейским православием, нежели православие Восточной Церкви. Например, Никейский собор, бывший в 325 г., был собором католических епископов. Мы не признаем различия между духовенством и мирянами — ибо все верующие, по рассуждению апостола Петра, Божие духовенство (clergy). Этот собор был созван по инициативе императора Константина и был, главным образом, попыткой царственного правителя умиротворить государство посредством церкви. Наш толчок

происходит от общей веры, действующей общей любовью, производящей общее служение и изливающейся в общей радости. Никейский символ веры, сделавший знаменитым Никейский собор, был принят по настоянию императора, и наказания были назначены им тем, которые отказывались подписать его. Никакой символ веры не предлагается нами на обсуждение, и все же мы более соединены в вере евангельской, нежели никейские отцы. Только восемь или, по некоторым авторитетам, пять из 318 епископов того собора прибыли с запада; сегодня мы, радостные и счастливые, сошлись со всего света, чтобы иметь общение друг с другом, как в день Пятидесятницы, каковое общение основывается на духовных идеях и принципах, которые более универсальны (всеобщи), нежели идеи древнего времени.

III

Но эта организация есть Всемирный Союз Баптистов, а это значит, что всеобщие принципы, на которых мы основываемся, мы производим прямо от Иисуса, что они приняты на основании Его авторитета и требуют от всех, принявших их, всецелого подчинения души Его благодатному и благотворному правлению. Он есть Господь всех, и только Он один есть Господь всех. Наше представление о власти Христа есть исключительное. Мы отказываем всякому и всему в малейшей доле участия в ней. Она абсолютна, неограничена, неотъемлема, не допускает никакого сомнения и не терпит равного. Право царствовать в религиозной жизни принадлежит Ему и никому другому. Никому другому, пусть он будет свят, как святой Франциск, набожен, как св. Бернард, любящий, как апостол Иоанн, или практичен, как апостол Павел: это право не принадлежит каким-либо служениям, папским, епископским или проповедническим; ни преданию, хотя оно может истолковывать действия Духа Божия и объяснять действия послушания или непослушания; это право не принадлежит ни Ветхому, ни Новому Завету, хотя их действующая ценность велика, так как они дают нам возможность познать ум Его, понять Его законы поведения и участвовать более свободно в Его духе; это право не принадлежит длинным летописям церковной жизни или согласию «всей церкви» в один специальный момент, хотя мы охотно принимаем освещение, которое даёт нам церковная история относительно Его управления общественной жизнью Его народа, о цели и духе этой жизни, о её трудностях и препятствиях и о достаточности Его благодати. Иисус Христос занимает первое и последнее место. Его слово окончательно, Его правление верховно.

Словом, глубочайшим толчком баптистской церкви было сохранение единственной и исключительной власти Иисуса Христа от всевозможных захватов церквей, от отдельных церквей, от всей церкви в известный момент её жизни и действия, как, например, на соборе, от предания старцев, от толкования учёных и от интересных, но бесполезных теорий философов. Быстрое движение этой одной главной идеи привело нас к настоящему положению.

Итак, из этого следует, что идеи, о которых мы свидетельствуем, коренятся, во-первых, в учении Нового Завета, и, во-вторых, в переживании души Христа.

В нашей новейшей форме, как баптисты, мы существуем с 1611 года, то есть, с того самого года, когда появился узаконенный перевод английской Библии. Этот год есть как трёхсотый год от первого объявления принципов, на которых зиждемся мы, как общины, так и трёхсотый год со дня появления этого перевода Библии, который король Георг Пятый называет «первым из наших национальных сокровищ».

Этот синхронизм (одновременность) знаменателен. Ибо, как факт отношения двух событий, это живое дело, а не случайное. Тут налицо одновременность источника, подобного близнецам, а не только соприкосновение, подобно тому, как два слепившихся кремня соприкасаются друг с другом на берегу реки. Эти два события находятся в таком отношении между собой, как плоды одного и того же дерева, как цветы одной и той же ранней весны, как действия одной и той же силы, и лучи, происходящие от одного и того же центрального солнца. Бог, вдохновивший Веселила, художника скинии, вдохновил также Вильяма Тиндаля дать Библию пахарю и мужику на таком языке, который они могли понимать и чувствовать; тем не менее я утверждаю, что то же самое божественное вдохновение руководило Джоном Смитом (John Smith), Фомою (Томасом) Гельвисом (Thomas Helwys) и Леонардом Бушером (Leonard Busher) в открытии и провозглашении учения о праве человеческой души быть свободной от велений гражданской власти в делах религии. Первый из них дал нам Библию; второй приобрёл для нас открытый путь к ней: Библия просветила ум, а этот путь освободил совесть, чтобы следовать этому просвещению; новый перевод разогнал тьму и удалил ночь, новое учение потрясло и разбило в дребезги монополию священнической касты и дало свободу человеческой душе. Переводчики в этот величайший момент освобождения Англии послали перевод Слова Божия на языке, который так прекрасно прост, так неподражаем в своих кадансах (кадансы — это музыкальные обороты или последовательности аккордов, которые завершают музыкальное предложение, фразу или целое произведение. Они играют важную роль в структуре и гармонии музыки, создавая ощущение завершённости или паузы) и величествен в своей музыкальности, что он занял своё место в числе важнейших факторов в нашей религиозной жизни: он послужил могучим средством к сплочению народов, говорящих по-английски, и вдохновением для служения роду человеческому. С другой стороны, пришельцы из Голландии тем же духом обогатили век провозглашением четырёх верховных уроков, которые они усвоили себе в изгнании, а именно:

1) В делах веры должна быть абсолютная (неограниченная) свобода;

2) Церковь Христова есть общество верующих;

3) Крещение есть начальный обряд и должно быть преподаваемо только по исповеданию веры;

4) Всякое общество верующих автономно — подчинено только главенству Христову.

A. Principal Gould. «The Tercentenary of the Modern Baptist Denomination».

Эти две силы были необходимы одна другой; это были факторы, действующие вместе для одних и тех же целей: к усовершенствованию дела реформации, к уничтожению феодализма, к оживлённому исследованию, к поднятию ревности за право и истину, причинившие исход церкви из земли Гесем, где она была порабощена, словом, созидавшие наш новый мир. Едва ли будет преувеличением сказать, как без Библии у нас не было бы пуритан или сепаратистов или отцов-пилигримов, так и без баптистского учения о том, что «власти должны христианскую религию предоставить свободе совести каждого человека, так как лишь один Христос есть Царь и Законодатель церкви и совести», Британия была бы тюрьмой для всех баптистов, и могло бы случиться для некоторых из них, Род-Айленд не был бы основан, и эта обширная демократическая республика (Соединённые Штаты) всё ещё ожидала бы света.

Посему мы в этом собрании приветствуем этот памятный год, по обеим причинам: ибо отцы наши были адвокатами свободы, потому что они были мужами Библии. Библия воспитала их, как и нас. Она есть единственный символ нашей веры, как она была их символом веры. Они питались чистым словесным молоком, как и мы ещё питаемся им. Они нашли свою хартию свободы во Христе, единственный образ которого они созерцали на её страницах, и мы тоже. За уставами своего странствовали они обратились ко Христу и сделали изучение и исследование их нашим занятием, и что это побуждение ещё у нас тот же духовный инстинкт (побуждение) и привычка, это засвидетельствовано тем фактом, что два величайших проповедника последнего столетия были библеистами и баптистами: ибо доктор Гастингс (Hastings) говорит, что «Объяснение Св. Писания» доктора Макларена есть величайший гигантский подвиг в деле проповеди, совершённый одним человеком в новейшее время, за исключением проповедей Сперджена «Metropolitan Tabernacle Pulpit». И он прибавляет: «Замечательно, что он также был баптистом. В чём же секрет?» спрашивает он, и ответ его гласит: «Просто в верности писанному Слову Божьему. Простой факт, что оба они — как Сперджен, так и Макларен — были истолкователями».

IV

Другая связь, соединяющая нас, есть нерасторжимое духовное единение, а обоснование сего союза истинной католичностью происходит от того, что мы принимаем в члены церкви исключительно возрождённых людей. Мы, как я уже сказал, люди Библии, не буквы её, но её духа, и Духа, вдохновлявшего писавших её мужей. Мы признаём исторического Христа, и Христа учения, но и Христа в душе, новый свет для совести, новую энергию воли, новое истолкование жизни и новый взгляд на будущее, и мы этот духовный опыт кладём в основание нашего свободного и добровольного соединения в общины. Мы строим на духовном опыте, и не на символах веры, но на «обращении», «на перемене сердца», на пробуждении души к Богу во Христе; на возрождении Святым Духом, на сознательном обладании ума и духа Иисуса, на воле, преданной Богу, на жизни, посвящённой на служение Ему. Мы говорим с Джоном Смитом, что «никакая часть спасительной праведности не состоит во внешних церемониях», и утверждаем с апостолом Павлом, что «обрезание есть ничто, и необрезание есть ничто», но «вера, действующая любовью», «соблюдение заповедей Божьих», становление «новой тварью во Христе», это есть всё во всем.

Посему мы проповедуем «душевную свободу» и боремся против всех посредников, ибо дух человека имеет преимущество прямого, сознательного отношения к Богу во Христе и через Христа. Ничего посредствующего между Богом и душою не должно быть:

- никакого священника, каковы бы ни были его притязания, он затемнит видение Христа и наложит оковы на свободу души;

- никакого богослова, он может помочь, если он будет оставаться на своём месте, но он может остановить личное исследование истины и обессилить человека;

- никакой церкви, она может завернуть дух в соборы и завязать его красной тесьмой;

- ни государства, оно подвергнет заключению в тюрьме энергию и остановит рост.

Душа должна быть свободна. Все Господни люди могут быть пророками, и свобода есть дыхание

жизни пророчества. Каждому дан дух во благо; и первый закон духа состоит в том, чтобы не угашать его огня. Благодать свободна с начала до конца, то есть Бог свободен в Своём пришествии к душе и в своём действии внутри её, чтобы искуплять её, обновлять её, поднимать её на высоты нравственной энергии, преобразить её в Своё подобие. Свобода тесно соединена с самым понятием о духовной жизни, посему должно быть достаточно «простора» в области Церкви для полного выражения пылкого, сильного и освящённого индивидуализма (Мистер Ричард Гэт (Heath), говоря о континентальных баптистах (в «Contemporary Review, Vol. 54, p. 398»), живших три столетия тому назад, выражается так: «Они признавали, что каждый человек имеет внутри себя божественного Учителя, который наставляет его на всякую истину, и голосу которого они во что бы то ни стало должны повиноваться». «Я знаю это,» - говорит Ганс Денк, - «что во мне есть истина, посему, если Богу угодно, я буду слушать, что она скажет мне; я не позволю отнять её у меня тому, кто хотел бы это сделать». Цюрихские братья молились: «О, Боже, дай нам неустрашимых пророков, которые без всяких прибавлений, выдуманных людьми, проповедовали бы Твоё вечное Слово». Но в этом слове Христос сам управляет, а не слово о Нём, ибо корень изучения и зеркало жизни должно быть, во-первых, Евангелие Христово).

Мы знаем, что наше настаивание на свободе имеет свой риск: но его можно избежать, так как застой и смерть, следующие за порабощением души, неизбежны. Мы знаем, что наше недоверие к излишним организациям и смертельный страх от механизма лишили нас быстрого успеха и задержали скорое движение вперёд, но они дали свободный ход личности и, наконец, люди начинают понимать, что личность собственно и нужна, и что лучший механизм не может делать дела душ, в которых свободно действует Дух Божий.

Один друг пишет мне следующее: «Для баптистов великое дело быть соединёнными для помощи и ободрения единоверных в сохранении своих убеждений под гнетом правительства и властей, и я лично думаю, что для меня трудно было бы выдержать это, и, конечно, я не мог бы остаться твёрдым, если бы я не видел Невидимого». Но я надеюсь, что Всемирный Баптистский союз никогда не сделается «Католическим Баптистским Собором», чтобы властвовать над выражением веры и, наконец, последовать другим соборам, и учредить баптистское «папство». Я боюсь, что моё чтение знамений времени убеждает меня в том, что авторитет во всех фазах жизни вытеснил свободу души — тогда как мы все нуждаемся в свободе души и в разумности души. Из всех церквей мы меньше всех страшимся в этом отношении.

Нам нечего беспокоиться. Полная автономия (самоуправление) каждой отдельной общины (церкви) есть дело благодати, и оно не пострадает. Всякое общество будет стараться удержать свою независимость, но оно всё более и более будет употреблять её таким образом, чтобы обеспечить благо всего братства и прочного движения вперёд царства Божьего. Славная свобода детей Божьих не потерпит вреда. Свободный человек останется свободным, но он будет употреблять свою свободу на осуществление более обширных целей добровольного сообщества верующих, к которому он принадлежит, и на совместный труд в общем служении людей. Это факт, что неукротимая душа человеческая, питаемая свободой, даваемой Словом Божьим, и укрепляемая свободною благодатью Божьей, сумеет и должна защищать себя. Личное есть действительное ничто. Душа есть человек, а наполняемая и воспламеняемая Духом Божьим, она (душа) подобна радию. Она продолжает гореть, но не сгорает. Она издаёт свой свет, но остаётся неистощённой, не могущей быть подавленной ни иерархиями (попами), ни олигархиями

(дворянами), ни целым племенем угнетателей. Ей можно довериться, что она удержит свои права, то есть, что душа, посредством живущей в ней благодати Божьей, действующей в ней по Его бесконечной любви, последует руководству обитающего в ней Духа, Его, всякой истины и служения.

В подчинении Господу, Христу Иисусу, не только откроется своя полнейшая свобода, коею получить вдохновение к подавлению своего себялюбия, и ободрит приложить к вере благородный и мужественный характер; к благородному характеру — познание; к познанию — самообладание; к самообладанию — силу выносливости, благочестие, а к благочестию — братскую привязанность; и к братской привязанности — любовь.

V

Говоря о делах сего Союза, важно с самого начала напомнить об ограничениях, налагаемых на нас нашим вселенским характером. Мы просто по необходимости не в состоянии судить правильно о местных делах один другого. У нас нет достаточных данных. У нас не имеется специальной точки зрения. Мы слишком удалены друг от друга и у нас чрезвычайная трудность личного уравнения. Британцы не знают Соединённых Штатов, однако некоторые из них без колебания высказывают суждения о американских церквах, устанавливая их проблемы (задачи) и указывая, как они могут быть решены, хотя они никогда даже проездом не бывали в тех странах; и они очевидно делают это не сознавая, что их приговоры суть ни что иное, как слегка прикрытые утверждения их собственных предрассудков и предположений. И американец не может учесть тяжести общественного давления на баптистов в Англии и чрезмерного сопротивления, которое нам приходится побеждать, следуя свету, который мы видим. Вы не видите уменьшившихся доходов в кассу сельской лавки и гонения на сельских улицах, как последствия покровительства и поддержки государством одной частной церкви. Чтобы знать это, вы должны иметь соприкосновение с нашими сельскими общинами, как я нахожусь более пятидесяти лет в соприкосновении с ними.

Врачи говорят нам, что в настоящее время нет более климатических болезней. Они исчезли или быстро исчезают. Они привыкли говорить о тропических или субтропических болезнях и означать известные географические области, как очаги холеры, малярии, сонной болезни и жёлтой лихорадки. Теперь доказано, что эти болезни существуют во всех географических широтах, и вопрос не в том, откуда ты прибыл, но в каких гигиенических условиях ты живёшь. Несомненно, что это так; но всё же весьма полезно знать, что «климат» может быть одной из возможных причин, содействующих развитию болезни, и что нужно улучшить целый ряд условий, чтобы искоренить известную болезнь. Так и условия, при которых должно ввести принципы в жизнь мира, бесконечно разнообразны, и мы обязаны считаться с ними. В одном поясе ученик Христов вполне безопасен от микробов деспотизма и нетерпимости; напротив, в другом поясе они заражают всё, к чему он прикоснётся, и почти всё, из чего он состоит. Англия представляет невероятно сильные искушения к тому, чтобы избегать наши общины, или же оставить их, если ты присоединился к ним. Наш закон, например, наказывает гражданина, если он старается вступить в ряды учителей государственной школы или подняться выше их, если он баптист. В Венгрии наши общины не могут приобретать, владеть и управлять собственностью иначе, как на условиях, которые сковывают их свободные действия в качестве христианских церквей. Но в

австралийских колониях и в вашей свободной республике (Соединённых Штатах) нет таких трудностей, или, если они и встречаются, то в самом смягчённом виде.

Эти и подобные им факты по необходимости создают характер и определяют содержание совета, даваемого относительно особых местных условий, и заставляют нас двигаться по высоким и широким плоскостям, открытым для нас историческими и универсальными (всеобщими) принципами Евангелия Христова, на которых построен наш Союз. Наше дело удерживать эти принципы в их целости и проповедовать их с ревностью, великодушием и самоотречением, чтобы мы могли как можно скорее поместить их в предназначенное для них место в целой религиозной жизни рода человеческого.

Наше всеобъемлющее дело состоит в восстановлении царства Бога и Его Христа. Это одно мы должны делать. Для этого, собственно, мы достигнуты Христом и призваны Его благодатью. У нас есть Евангелие для мира. Мы начинаем с креста, а не с крещальни. Бог послал нас проповедовать, а не крестить людей целыми толпами или в их невежественном младенчестве. Мы должны передать людям ту истину, что сила во всём есть Вечный Отец, который сильно желает войти в прямое и сознательное отношение с ними через Своего Сына Иисуса. Мы проповедуем Христа, и Христа распятого. Мы стоим у креста, видим Иисуса в благоговейном свете Гефсимании и Голгофы, «как умилостивление за грехи наши, и не только за грехи наши». «Не только за наши грехи». В любви Божьей нет ничего ограниченного или частного. Она увлекает род человеческий в свои объятия. Бог сам доказывает нам Свою любовь тем, что, когда мы ещё были грешниками, Христос умер за нас. «Не только за грехи наши, но за грехи всего мира». Держась одной рукой за крест, мы другой рукой касаемся круга человеческого рода. Посему мы миссионеры. Мы не молчим. Мы не можем молчать. Мы должны всем людям поведать о любви и благодати Отца, что Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям их согрешений. На нас лежит необходимая обязанность. Мы должники всех людей. Если мы выходим из себя, то мы это делаем для Бога, или если мы скромны, то ради людей. Ибо любовь Христова объемлет нас, рассуждающих так: если Он умер за всех, то живущие должны жить уже не для себя, но для Умершего за нас и Воскресшего для нас.

Для нас источник радости в том, что мы чувствуем, что это наше главное дело соединяет нас со «святой вселенской церковью», делает нас родными каждому верующему в Иисуса, который находится в церкви или вне церкви; соединяет нас в одно с самоотверженными миссионерами всех обществ, которые подвергают опасности жизнь свою ради Евангелия Христова. Однако, свидетельствуя о простоте и чистоте, о полноте и достаточности спасения, предложенного людям во Христе, мы должны повторять протест наших отцов против всех искажений христианства. Мы всюду отвергаем учение, что якобы вступление в видимую церковь есть или спасение само по себе, или же условие для получения его. Если бы только люди могли верить, что наше ясное свидетельство о значении крещения всецело обязано нашему антагонизму (соперничеству) относительно понятия о таинствах, как имеющих спасительную силу, и о так называемом «развитии» «зародыша» первобытного христианства, потому что такое понятие не согласно с Новым Заветом, противоречит Петру, Иоанну и Павлу, омрачает видение Бога, задерживает свободное излияние милости Божьей, понижает религиозный идеал, ослабляет нравы, увеличивает власть священников и уменьшает власть Искупителя над людьми и Его славу (Брайс говорит: «Причина, почему сравнительно немногочисленные исповедания в Англии, как,

например, методисты и баптисты, увеличившиеся здесь (в Америке) до обширных размеров, есть то, что социальные условия, при которых они имели успех в Англии, воспроизведены здесь в гораздо обширнейшем размере. Иначе говоря, причины, давшие американским исповеданиям их относительно важное значение и местное распространение, были скорее расовые и социальные, нежели церковные». («The American commonwealth». Vol. II, p. 773. by J. Bryce)).

Всякий знает, что этот протест заключает в себе отделение от других церквей, но разве все ещё существует необходимость в отделении? И при том в отделении в такое время, когда силы, стоящие за церковную федерацию (союз) и единство, действуют с беспримерной силой?

Во-первых, не подлежит сомнению, что мы радуемся усилиям, делаемым в пользу единства всех последователей Иисуса Христа, и радостно содействуем этим стремлениям. Мы страстно желаем этого. Мы молимся об этом. Мы сочли бы себя виновными, если бы мы создали или поддерживали какое-либо церковное разделение только из-за техники веры или же ради незначительной разницы в практике церквей. Мы стараемся сохранять единство духа в союзе мира.

Но мы с такой же откровенностью заявляем, что видимое, формальное и механическое единство совсем не интересно для нас. Это не то единство, о котором молился Иисус, и не то единство, которое увеличивает духовную действенность, умножает праведность или движет вперёд Царство Божье. Не можем мы также забыть и того, что соединение церквей узами государственного золота большей частью ведёт к рабству, а не к свободе, к подчинению, а не к мужественности, к застою, а не к жизни. Что касается единства Рима, единства церковной империи, строго подчинённой одному священнику, как императору, то история сказала своё слово и вполне осудила это единство. Мы решительно осуждаем желание организовать всемирное единство по образцу Семи Холмов (Рима), с одной стороны, или по образцу Москвы, с другой стороны, будучи уверены в том, что это подавило бы самобытность мышления, поставило бы преграду смелости начинаний, погасило бы энтузиазм (воодушевление) и наложило бы путы на души там, где должна быть самая твердыня и лучшая защита свободы. Единство жизни, любви и господствующих идей, и идеалов — такое единство постараемся иметь во что бы то ни стало, но не единство «порядка», «механизма» или «символа веры», которое несовместимо с «единством в разнообразии», ни с Природой или Благодатью.

Кроме того, нет пользы в том, чтобы легко относиться к тому факту, что мы мыслим не так о существенных элементах христианства, как мыслит об этом прочее христианство. Великие исторические церкви против нас: римско-католическая, восточная (православная), англиканская и некоторые другие церковные общины; и при этом они противоречат нам в таких предметах, которые касаются самой глубины духа Евангелия Христова. Поэтому «отделение» есть одно из неизбежных условий верности нашему опыту в благодати Божьей, нашему истолкованию прав Иисуса Христа и принципам, которые Он даровал нам, как основу и сферу (круг) нашей коллективной (общей) жизни. Мы не можем поступать иначе. Мы принимаем разобщение и все те наказания, которые оно влечёт за собой.

Да, это неблагодарное дело. Оно требует жертв, оно исключает нас из союзов, к которым мы охотно присоединились бы, и удаляет нас от весьма весёлых и милых кругов, но это полезно и необходимо для нас. Христианство обязано своим существованием неискоренимому роду

протестователей. Оно осталось бы в пеленах иудаизма и лежало бы в колыбели, как иудейская секта, если бы Дух Божий не толкнул Петра на путь протеста. Оно не сделалось бы в первое столетие универсальной (всемирной) религией, если бы тот непревзойдённый дипломат, апостол Павел, не противился сильно всем защитникам расовых (племенных) и сектантских религий. «В век Тертуллиана казалось, что есть некоторая надежда на то, что всякая характерная черта Евангелия будет таким образом восстановлена, что Евангелие невозможно будет отличить от других эклектических систем данного момента». Но Тертуллиан знать этого не хотел. Его протест был силен и ясен. «Пусть они посмотрят на то, — говорит он, — кто произвёл стоика и платоника, и диалектическое христианство. Мы, имеющие Иисуса Христа, не нуждаемся в любопытстве; не нужно исследования тем, которые имеют Евангелие» (The Conflict of Religions in the Early Roman Empire by T. R. Glover, p. 338). Лолларды были протестанты. Иоанн Гус и Джон Виклеф могли спасти Евангелие только открытием лжи, под которой оно было погребено. Лютер, сжигая буллу папы, которая была выражением ходячего христианства, представляет нам драматическую демонстрация (показания) способа, избранного им для спасения истин реформации. Роберт Браун оставил церковь и «не дожидая другой церкви», дал толчок реформаторскому движению, который не пропал даром. Епископ Голл писал отцу-пилигриму Робинзону: «Нет никакого средства. Ты должен идти вперёд к анабаптизму или возвратиться к нам. Он (епископ говорит о нашем Джоне Смите) скажет тебе истину: твоё положение ненадёжно». Оно было ненадёжно, и они оставили его, чтобы дать безопасность истине Евангелия Божьего. Доселе это был единственный путь сохранения в живых души христианства. Нет другого более действительного метода. Пуританизм старался освободиться от него. Отделение казалось суровым и жестоким. Оно носило одежду самосохранения. Оно подвергалось порицанию. Оно походило на раскол, но это было единственное средство избежать пресмыкающегося паралича, за которым следовала смерть. Евангелики в англиканской церкви пытались сделать это. Ненавидя Рим и сражаясь против него, они остались в протестантской церкви при условии соглашения, заключённого между Римом и Женевой в царствование королевы Елизаветы. Они были протестанты и желали, чтобы церковь оставалась протестантской, по существу, и по имени. Они увидели истину заявления Багехота (Bagehot), что «члены веры англиканской церкви суть не столько соглашение, сколько двусмысленность».

Формула, на которую могли согласиться две стороны, чтобы идти своими отдельными путями под видом одиночества, но они думали, что они смогут очистить англиканскую церковь, оставаясь в ней. Но результат таков, что спустя 300 лет римско-католические элементы более явственно преобладают в этой церкви, нежели в какое-либо другое время со времени царствования королевы Марии. Сепаратисты (раскольники) чувствовали, что они могут сделать мало или ничего, оставаясь в церкви, поэтому они выступили из неё и последовали церквам Нового Завета как образцу нового общества, которое они создали. Уэкман (Wakeman) в своей «Истории Религии в Англии» в таких сильных выражениях говорит о происхождении свободных церквей: «Когда люди становились действительно, а не для декорации, религиозными, то они порывали связь с установленным порядком и искали осуществления своих глубочайших религиозных идеалов в организации церквей более первоначального типа. Это было отделение ради жизни и пользы».

Отсюда следует, что несмотря на то, что мы ревностно стоим за единство всех верующих во Христе и готовы, где только мы можем, удалить основания и причины разделения, всё-таки для

будущих поколений оставлена возможность «идти вперёд к анабаптизму», как выражается епископ Голл (Hall), а не возвращаться к какой-либо другой церкви. Мы должны возвысить свой голос против главного заблуждения христиан, которое служит источником неизмеримого вреда для Евангелия и для душ человеческих, именно: против магического истолкования крещения и вечери Господней, против того, что будто совершение крещения над младенцем есть исполнение воли Господа Иисуса, выраженной в Новом Завете, и будто это есть путь спасения. Мы должны быть далеки от этого. Мы не можем иметь в этом части или жребия, словом, мы должны находиться в таком положении, чтобы иметь возможность дать полный, ясный, несбивчивый отчёт о главных принципах нашей веры и жизни.

Далее, мы не только должны усердно подвизаться за веру, однажды преданную святым и составляющую древнее Евангелие как чистое Евангелие, очищенное от нароста веков; но мы должны быть верны во всем первобытному христианству и духу творцов нашего новейшего баптистского исповедания. Мы должны также защищать Общественное Евангелие и трудиться для него.

Книга Деяний Апостолов даёт доказательство о появлении нового общественного идеала и толчка в христианстве Христа. Это беспрекословно. Не подлежит сомнению и факт, что в 1527 году анабаптисты провозглашали свои революционные идеи, требуя свободы для всех людей в делах религии, прилагая закон Христов ко всякому положению в жизни, и в особенности к государственному строю. Как ни сильны они были в качестве индивидуалистов, в силу тех же принципов, они были коллективистами (общинниками) или социалистами, и социалистами ранними, почти на триста лет прежде своего времени; посему они сразу же и пострадали. Это было весьма естественно, хотя преждевременно и неожиданно, ибо баптистские идеи с ужасной быстротой влекут нас к «обыкновенному человеку» как к Сыну Божьему, как к нашему брату, который имеет сам по себе ценность неисчислимую и возможности неизмеримые; как к имеющему права, которые должны защищаться ради обязанностей, которые должны исполняться; как к имеющему притязания на коллективные источники и деятельность общества, которые должны быть признаны за ним ради братства человека и Царствия Божьего.

«Свобода, равенство и братство» находятся в сердце баптистской веры. Избавление бедного от руки злодея делается главной обязанностью, если ты раз и навсегда действительно принимаешь Христову оценку человеческого достоинства. Чтобы устранить бедность, нужно устранить порождающие её причины. Благотворительность не должна считаться заменой справедливости. Справедливость должна ограничить размер благотворительности, и вовсе не должна оставлять ей такого места, которое должна занять справедливость. Общественная бедность должна быть уничтожена; несправедливые законы должны быть отменены. Люди, «придавленные» продолжительной бедностью (misery), должны быть спасены, исцелены, подкреплены и поставлены на ноги. Пусть другие боязливой рукой прикасаются к этим общественным проблемам, мы, конечно, должны взяться за них крепко и смело и настойчиво, и постараться решить их, иначе мы сделаемся предателями того Слова Господнего, которым мы живём.

Мы соединены священнейшими узами для того, чтобы искать полнейшего осуществления всемирного братства. Для нас война — преступление, а содействие международному миру есть одна из наших главнейших обязанностей. Дуэли народов должны исчезнуть в этом столетии так

же, как исчезли дуэли между отдельными лицами, говорящими по-английски, в девятнадцатом столетии. Несомненно, что есть и возмутительные и реакционные явления, но мы должны поддерживать глубокие и скрытые течения мировой жизни, так сильно направляющиеся в сторону мира. В увеличивающейся сложности современной жизни мы должны сражаться против захвата властью прав слабого, против коммерческой и социальной, военной и церковной системы, направленной к защите неправды. Мы должны порвать их и приготовить для огня, в котором сгорит все, что оскорбляет человека, дитя Божье, и мешает его искуплению и нашему возрождению.

Человек должен быть свободен, чтобы совершать своё спасение, самопознание, и чтобы воцарить Бога во Христе во всей жизни рода человеческого.

VI

Итак, стоя на этой высоте, спросим себя: какой вид открывается для всего баптистского народа по всей земле? Какое положение вероятно будет назначено нам в направлении и созидании религиозной жизни рода человеческого?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы сперва должны задать вопрос: в какое море текут более глубокие течения мысли и действия современной цивилизации? Какие тенденции (склонности) существуют среди прогрессивных людей? Идут ли они с нашими принципами или же против них?

Ответ на это получается недвусмысленный и полный.

1) Рассмотрим прежде протестантизм. Расы (племена), руководящие жизнью мира, суть или чисто протестантские, как-то Британия и Соединённые Штаты, или же они с успехом употребляют протестантские идеи как орудие в борьбе с римским католицизмом, как это делается во Франции и Испании. Раскол раскольников («Dissidence of Dissent») удерживает за собой поле сражения, если не формально, то фактически. Модернизм подкапывается под твердыни Рима, как это делается в Италии и в Австрии. Те, кто близко знаком с римским католицизмом, стыдятся его нравов, возмущаются против его тирании над разумом, негодуют на его запрещение совершать соединённое социальное служение и не могут простить ему его бесцеремонное обращение с вождями науки, философии и религии. В Германии и в Англии, и в некоторых наших колониях делаются гигантские усилия захватить в плен тевтонца и саксонца, но сделанные ими успехи вовсе не таковы, ни по характеру, ни по числу, чтобы сделать бессильным заключение, что протестантизм есть один из главных факторов (деятелей) в формировании будущих поколений людей.

2. Закваска учения о невмешательстве светских властей в религиозные дела, положенная Джоном Смитом и Рожером Вильямом в три меры человеческой муки в Голландии, Англии и Америке, делает своё дело. Соединённые Штаты утвердили навсегда учение о нейтралитете государства относительно всех христианских обществ. Франция разорвала конкордат (соглашение с папой), и там церковь и государство свободны друг от друга. Португалия делает то же самое в текущем году. Отделение церкви от государства в Уэльсе (в Англии) при дверях. И, хотя Англия, как и всегда, медленно тащится позади, однако как в англиканской церкви, так и вне её крепнет убеждение, что отделение церкви от государства справедливо, и нужен только для этого случай, чтобы убеждение перешло в законодательный акт.

3. Равным образом мыслительные силы века восстают против исключительного и наступающего священства. В самом деле оно выслушало свой смертный приговор и ждёт лишь палача. Оно должно исчезнуть. Один профессор, воспитанный в высших кругах англиканской церкви, говорит: «Оживление, какое бы то ни было, формы священнического христианства было бы явным несчастьем для рода человеческого» (Lectures and Essays, by Professor W. K. Clifford Vol. I, p. 25). Естественно, что это оживление никогда не может прийти. Никогда число мыслящих людей не было так велико, как в настоящее время. Значение личности с каждым днём все возрастает, а официализм все более и более теряет своё значение. Несмотря на то, что наше время во многих отношениях материальное и чувственное, характер никогда не ценился выше и ему не придавалось больше значения, нежели в настоящее время.

4. И архиерейство не может устоять перед божественным правом демократии (народовластием). Хотя и слышится крик «о увеличении епископата», но и сами епископы допускают, что они должны предоставить мирянам некоторую долю в управлении делами епископальных церквей. Народ не может быть исключён из церквей или из наций. Настал его день, и он все более и более будет светлеть до полного дня. Ни церкви, ни партии, ни нации только, но народ будет будущим наследником; наследство принадлежит ему. Долгое время за ним не признавали этого наследства; но каждый год свидетельствует о возрастании силы его сознательности и о его возросшем решении пользоваться этим наследством. Вашингтон и Джефферсон, Гамильтон и Нокс, Франклин и Мэдисон, и мужи, составившие вашу конституцию в этом городе (в Филадельфии), выражают лишь с немного лирической страстностью эту великую власть утвердили на веки в харте независимости. Франция удивила мир своими делами во имя народа и запечатлела кровью многих своих сынов и дочерей дело нации. Уолт Уитмен (Walt Whitman), восхищённый зрелищем идущего вперёд народа, поёт:

«I will make Divine magnetic land,

With the love of comrades,

With the lifelong love of comrades»

(Я сделаю божественной дивную страну. Любовью товарищей, бессмертной любовью товарищей.)

А потом он опять спрашивает:

«What whispers are these? O lands, running ahead of you, passing under the seas?

Are all nations communing? Is there going to be but one heart to the globe?»

(Что это за шёпот? Неужели это страны, идущие впереди вас, проходящие моря? Неужели все народы разговаривают? Неужели все собираются, чтобы у них было только одно сердце на земле?)

Вон там, в России, Лев Толстой охвачен духом всеобщего товарищества в деле мира и чистоты, праведности и любви, и говорит людям во многих томах своих сочинений и живительных мыслей, выраженных в сильных и ясных словах, что Царствие Божие приблизилось к ним. Но разве вы можете верить этому? Даже британская палата лордов открыла, что это досадный анахронизм

(несогласие со временем), позолоченный камень преткновения на пути прогресса, и чем скорее он будет удалён с пути, тем лучше. Это — народное правление. Следствие неизбежно. Весь народ составляет одно. Они знают это и хотят действовать как один человек. Вместо того, чтобы сражаться друг с другом, они хотят соединиться вместе для общего дела и будут управлять миром в правде и мире.

Но самая выдающаяся черта нашего времени — это удивительное господство идеи об общественном служении. Наше время пропитано идеями об обязанностях братства, о долге самоотверженного служения наиболее нуждающимся членам общества. Мы не можем избежать этого. Социальные проблемы занимают высокое место. «Положение народа» — такой вопрос, который всюду выступает вперёд.

Вопросы о жилищах и здоровье, о трезвости и чистоте нравов, о телесных упражнениях, просвещении ума, эти и подобные им аспекты жизни никогда не упускаются из виду. Церковь настолько расширила свой кругозор, что стала заботиться о них. Учреждения, клубы возникают в городах и селах, чтобы иметь дело с ними. Правительство оставило правило laissez-faire (беззаботность) и заботится о них. Британское законодательство указало путь обеспечением приюта старым людям и своей заботой о рабочих классах. Оно подобно доктору борется с болезнью. Оно подобно милосердной сестре ухаживает за инвалидом. Оно подобно агенту страхового общества оказывает помощь безработным и делает всё это (мы не можем забыть этого) через политического вождя с блестящими гением и пленительной простотой, который (намёк на ангельского лорда казначейства Ллойда Джоржа) с детства был воспитан в баптистских идеях, который теперь состоит деятельным членом баптистской церкви и который сознательно или бессознательно погружен в принципы анабаптистов XVI столетия к нуждам людей нашего времени. От него вышла эта Великая Хартия Промышленных Классов, хартия, доставляющая сразу неизреченное благо и таким образом предвещающая наступление новой эры в коммерческих, промышленных и общественных условиях и в деятельности целого мира.

И все это движение глубоко нравственное. В нём находится просвещённая и усиленная совесть. Оно облагорожено высокой этикой (учение о нравственности). Дух «обличил мир о грехе, о праведности и суде», и в силу этого убеждения сделано было совместное и дружное нападение общинами и государствами, лицами и обществами на твердыни неправды и бедности, и большой шаг вперёд был предпринят на пути к отдалённому божественному событию, к которому стремится всё создание.

Нужно ли мне проводить параллель между выявившимися тенденциями этого нового столетия и принципами, которые провозгласили наши отцы и которых мы держимся? Не очевидно ли, что эти идеи и цели — наши, и что бы ни случилось с нами как с общинами, одно, по крайней мере, верно: что эти наши идеи сильно действуют, как созидающие (formalive) факторы будущего времени?

«Итог всякого прогресса, — говорит Гегель, — это свобода». На свободе мы основываемся, за свободу мы сражаемся, и к свободе всюду все стремятся.

Человек может излагать свой закон и следовать ему. Он сотворён для того, чтобы управлять собой. Одним словом, несмотря на все увеличивающуюся сложность и чудесную взаимную игру

общественных сил, он постепенно приобретает самоуправление. Наши общины автономны и оказались полезными школами в искусстве самоуправления.

Индивид (отдельная личность) входит в общество и является его продуктом; общественная ответственность воспитывает его; общественное служение очищает и распространяет его. Чем полнее его свободное и равноправное участие в общественном организме, тем богаче делается его жизнь, и тем драгоценнее становятся его дары для мира. Наши общины доставляют такую помощь. Монополия не допускается. Каста (сословие) запрещается. Труд на пользу других обязателен и даёт вдохновение.

Но хотя параллель в этих и других отношениях столь значительна, мы не можем забыть, что существуют обширные церковные организации, занимающие огромные пространства с огромным количеством членов, которые отвергают нас и присваивают себе исключительное право проповедовать путь спасения и руководить религиозной жизнью людей.

Ислам, например, имеет блестящую историю, владеет обширными территориями, привлекает миллионы последователей и ещё раз пылает миссионерской ревностью. Его деятельность непрестанная, и его надежда на завоевание блестяща; но необходимо было, чтобы его коснулись младотурки со своим антагонизмом к духовенству, со своей ненавистью к нетерпимости, со своей симпатией к правосудию и равенству, и со своим смелым утверждением, что у женщин такая же душа, как и у мужчин. Одно из двух должно случиться: либо магометанство должно закваситься христианскими идеями, либо оно должно постепенно разложиться под натиском сильного, растворяющего средства ходячих принципов современной жизни.

Тоже самое случится с римским католицизмом. Он присваивает себе право исключительного господства над умами и волей людей, хвастается своей универсальностью (всемирностью) и имеет сотни миллионов верноподданных ему верующих. Но доктор Кобб говорит: «Отнюдь нельзя допустить, чтобы римско-католическая церковь обладала каким-либо решающим голосом в религиозных делах будущего времени — разве только она сперва переустроит самое себя таким образом, чтобы вступить на путь современного прогресса; но тогда она не будет более римско-католической церковью, а чем-то совершенно иным» (Hibbert Journal, 1911. p. 585).

То же самое можно с ещё большим основанием сказать и относительно Святой Православной Церкви в России.

Теперь остаётся сказать несколько слов о протестантских церквях при их вероисповедных различиях. Об англиканской церкви доктор Кобб, состоящий сам членом этой церкви, утверждает следующее: «Мы просим позволения слышать живой голос (Hibbert Journal, 1911. p. 597.). Мы чувствуем, что нас сжимает мёртвая рука... Свободные церкви имеют живой голос. У одной англиканской церкви среди западных церквей нет живого голоса». Не подписывая этого вердикта, мы можем сказать, что вполне верно, что все христианские церкви имеют в себе некоторую долю истины, и живут и служат той истиной, которой они держатся, и эта истина действительно держит их, а также количество и качество служения, оказываемого ими человечеству. Но ясно:

1) что только истинное христианство, существующее во всех церквях, оно одно скажет решающее слово и влияние;

2) что протестантизм, особенно в свободных церквях, бесспорно содержит и воплощает в себе более первоначальное Евангелие, нежели в римско-католической и греко-восточной церквях;

3) что на наших баптистских общинах, усвоивших себе эти принципы и держащихся этих идей, лежит безпримерная ответственность за вдохновение, направление и создание религии будущего времени.

Ибо в добавок к нашим руководящим идеям, мы имеем свободу выражать в словесных формулах нашу веру и организовывать нашу коллективную жизнь. Хотя мы так неподвижно прикреплены к нашим принципам, но эта жизнь предоставляет нам полную свободу приспосабливаться к учению опыта и изменяющимся нуждам общества, как это постоянно может и должен делать живой организм. Критика Библии не беспокоит нас, ибо мы покоимся не на ней, но на личном переживании благодати Христовой. Образ правления гражданского правительства не касается нас; мы можем подчиняться всякому образу правления, но нам лучше живётся при более демократическом образе правления; и наше убеждение таково, что нам лучше вовсе избегать политики, если только нет неправосудия, если не вмешиваются в убеждения нашей совести, если нет фаворитизма, если нет пренебрежения к слабым и бедным. Столкновений с народом у нас не может быть, ибо мы вышли из народа и составляем с ним одно в его популярных идеях и демократических целях. Я не говорю, что баптисты необходимы для полного развития и окончательного торжества этих принципов. Нет, мы не необходимы. «Нет ни одного человека на свете, ни общества людей, необходимых для чего-нибудь, ни даже Гамлета, принца Датского». Но я всей моей душой утверждаю, что эти принципы необходимы для силы и чистоты, для полноты и гармонии религиозной жизни людей; и я уверен, что та церковь, которая покажет в себе самое большое, живое и сильное воплощение этих принципов, будет призвана Богом указывать путь племенам человеческим сквозь заросли этой жизни в блаженный Ханаан, который Бог приготовил для любящих Его.

Нужны самые лучшие люди и самые лучшие церкви, чтобы доставить победу самому лучшему делу; люди и церкви с прекрасной мужественностью, самой нежной симпатией и самоотверженнейшей любовью; мужи и общины, у которых нет другой цели, как только быть подчинёнными славе Бога, нашего Искупителя; церкви, которые близки к тому божественному идеалу, которого многие славные проблески мы видим в Новом Завете; церкви с полной духовной жизнью, с множеством проповедников — с братским духом и широкой сферой служения; церкви, удовлетворяющие нужды целой жизни человека целым Евангелием; церкви, признающие, что спасти душу значит спасти самого себя, всего самого себя и во всех своих отношениях; что мы сами «общественные поселения», общины братьев и сестёр Иисуса, готовые идти к тёмному, неинтересному люду ради спасения людей, погибающих в дебрях бедных кварталов или же подняться в наивысшие области культуры ради одухотворения всей жизни посредством ума.

Итак, на нас лежат две обязанности: одна из них состоит в том, чтобы сохранять основной капитал человеческой мысли, обогащённый идеями и принципами Евангелия Христова; а другая в том, чтобы прибавлять к основному капиталу человеческой энергии, занимающейся спасением людей. Невероятный труд апостола Павла был столь же необходим для его миссионерского успеха, как откровение, полученное им не через человека и не от человека, но от Бога. «Пошлите к ним энтузиаста (вдохновенного человека)», — сказал доктор Прайс, когда лорд Ленсдоун

спросил его, что ему делать, чтобы произвести реформу среди развратников «Кальне». «Пошлите к ним энтузиаста». Люди крайне невежественные, но с неутомимой энергией, часто совершают гораздо больше, нежели люди, напичканные целыми библиотеками знания, но лишённые огня и страсти. Машина самой лучшей конструкции стоит неподвижно, пока в неё не впускают пар. Восприятие наших главных идей не принесёт никакой пользы, пока мы не будем жертвовать нашей силой, нашими деньгами, нашими усилиями для спасения людей. Истинно жатвы много, но работников мало. Это необходимое дело. «Приди и помоги нам», — вот крик, доходящий до нашего слуха из всех частей света и особенно из Юго-Восточной Европы. Общины нашей веры и нашего порядка возникли в Венгрии и в Австрии, в Моравии и Болгарии, в Богемии и Боснии и в России. Тысячи за тысячами приложились к Господу. Их гонят, но они с радостью принимают расхищение их имущества и с неукротимым мужеством распространяют огонь своего евангелизма вблизи и вдали. Они нуждаются в нашей помощи. Они призывают нас, чтобы мы оказали им симпатию и руководство в воспитании их ревностных проповедников и евангелистов, книгоношей и миссионеров. Они ждут нашего ответа. Он должен быть точен, практичен и достаточен. Мы должны дать его теперь же.

Примем на себя смиренно ответственность за руководство религией будущего времени и пойдём вперёд на своё место. Пионеры никогда не получают наилучшую плату, но они делают наилучшее дело, дело, которое пребывает и выдерживает огненное испытание, ибо оно состоит не из легко воспламеняющегося дерева, но из золота, которое расплавляется в огне и снова переделывается в монету и снова бывает в употреблении в течение веков. Не ждите других! Делайте то, что стоит дорого. Если будете ожидать других, то вы никогда не тронетесь с места. Ждите, когда баптисты сделаются популярными в обществе, исчезнет остракизм (изгнание), удалится гонитель и вы ничего не сделаете. Удалитесь из линии огня с вашими принципами, и никто не будет знать, что вы их имеете. Околдованный лес слушал ложь, которую рассказывал злой дух, что будто всякое дерево, которое расцветёт весной, завянет и будет срублено, и каждое дерево, боясь угрожающей ему участи, ждало, чтобы другие деревья начали идти вперёд, и таким образом весь лес оставался темным и мёртвым тысячу лет. Долой страх! Будьте готовы терпеть крест и пренебречь посрамлением. Ободритесь, как в лучшие моменты вашей жизни. Постарайтесь, чтобы ваши убеждения перешли в дела. Насмехайтесь над взятками. Стойте твёрдо. Будьте верны Христу и Его святому Евангелию, и таким образом помогите вести весь мир к свету и славе Его искупительной любви.

Перевод с английского Василий Гурьевич Павлов, 1911 год

Комментарии
